

НОВОКАНТИАНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ МИТОЛОГИИ.

(Ernst Cassirer. Philosophie der Symbolischer Formen. Teil 2: Das mythische Denken. Berlin 1925).

Проф. Кассиреръ, единственный нынѣ вліятельный представитель новокантианства «марбургской» школы, извѣстный до-селѣ своими трудами по логикѣ естествознанія и по исторіи теоріи знанія, выпустилъ теперь, въ двухъ томахъ «философію символическихъ формъ», изъ которыхъ первый посвященъ философіи языка, а второй философіи митологии и религіи. (Объещанъ еще третій томъ по философіи искусства). Каждый томъ образуетъ законченное цѣлое, и потому мы здѣсь имѣемъ возможность дать въ отдѣльности отчетъ о второмъ томѣ — о философіи религіи Кассирера. Въ основу изслѣдованія положены обширный матеріалъ по этнографіи и исторіи религіи. То обстоятельство, что философъ, всю жизнь работавшій надъ вопросами чистой науки и отвлеченный философъ, могъ съ такою добросовѣстностью и прибавимъ тотчасъ же — съ такимъ вниманіемъ и чуткостью изучить совершенно новую для него область духовной жизни, къ которой, къ тому же, онъ не имѣетъ никакого личнаго отношенія, — вызываетъ невольное изумленіе и уваженіе къ чисто нѣмецкой основательности научной мысли. Съ другой стороны, на трудъ Кассирера неизбѣжно должно было отразиться то простое и роковое положеніе, что — какъ слѣпой не можетъ познавать живопись и глухой или немзыкальный человекъ — музыкантъ, — человекъ, лишенный непосредственнаго органа воспріятія религіозной жизни (или утратившій его), фактически не въ состояніи уловить самаго существа дѣла въ этой области.

Методологическій замыселъ Кассирера

очень простъ — но вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдительно только для того, кто раздѣляетъ основное построеніе кантианства. Подобно тому, какъ существуетъ апріорныя формы сознанія, дѣлающія возможнымъ научное знаніе, должны существовать и апріорныя формы сознанія, изъ которыхъ вытекаетъ или на которыхъ зиждется митологическое и религіозное содержаніе человѣческой мысли и жизни. Методъ познанія, какъ и принципиальная оцѣнка митологии и религіи (которыя для Кассирера, конечно, совпадаютъ, такъ какъ понятіе откровенія естественно отсутствуетъ въ его системѣ, и даже о наличіи чисто религіозной нужды и потребности человекъ онъ не догадывается) вытекаютъ здѣсь изъ общей философской позиціи кантианства — именно изъ его релятивизма. Оригинально — и характерно для нашей эпохи пробужденія по крайней мѣрѣ интереса къ религіозной жизни — то, что «трансцендентальный» методъ Канта применяется къ научному знанію, такъ что формально религіозное сознаніе становится вполне *равноправнымъ* научному; оба открываютъ равно относительныя и равно неизбѣжныя картины міра, присущія человѣческому сознанію; и Кассиреру представляется, что ему удалось найти единственный строго научный, именно «трансцендентальный» методъ изученія религіи, одинаково отличный, какъ отъ эмпирико-психологическаго метода исторіи и этнографіи, такъ и отъ метафизическаго истолкованія Шеллинга и Гегеля. Осуществленіе этого замысла — при всей интересности и тонкости нѣкоторыхъ частныхъ его итоговъ — обнаруживаетъ все же его внутреннюю несостоятель-

ность. Прежде всего обнаруживается общий порок «трансцендентализма» — непреодолимость для него *психологизма*: анализ религиозно-мифологического сознания, несмотря на все усилия Кассирера слѣдовать чисто-объективной его феноменологии, — въ силу заранее принятаго или скорѣе инстинктивно укорененнаго убѣжденія въ субъективности, иллюзорности мифологии, — все же сводится къ чисто психологическому анализу и принципиальному отличію «трансцендентальнаго» метода отъ психологии *на дѣлѣ* провести невозможно. вмѣстѣ съ тѣмъ сказывается и другой порокъ кантіанства — это философская недоговоренность или, скажемъ рѣзче, бессознательная лживость: «трансцендентальный» методъ совсѣмъ не свободенъ отъ «догматическихъ» предпосылокъ; его тайной предпосылкой служитъ позитивизмъ, убѣжденіе въ безусловной объективности и достовѣрности именно научно-эмпирическаго знанія и его одного. Уже Германъ Когенъ отмѣтилъ, что если «Критика чистаго разума» имѣетъ у Канта твердый фундаментъ въ лицѣ положительной науки, на которую она «ориентируется», то «Критика практическаго разума» такого фундамента у него не имѣетъ; и Когенъ пытался найти его въ лицѣ правовой и общественной дѣятельности. Тѣмъ болѣе ни у самого Канта, ни у его послѣдователей нѣтъ прочнаго «фундамента» для философіи религіи — а это значитъ: нѣтъ вѣры, въ незыблемую реальность, отношеніе къ которой и раскрытіе которой въ послѣднемъ счетѣ — вопреки всяческому «трансцендентализму» — одно только въ состояніи оправдать и потому сдѣлать философски значительнымъ и содержательнымъ (а не только психологически интереснымъ) анализъ религиознаго сознания.

Въ изслѣдованіи Кассирера это сказывается въ томъ, что «категоріи» мифологическаго сознания — мышленія, созерцанія и чувства — онъ отыскиваетъ и устанавливаетъ путемъ простаго контрадикторнаго отрицанія соответствующихъ научныхъ категорій: если научный методъ состоитъ въ разложеніи «субстанцій» на «функции», то мифическое сознаніе, напротивъ, гипостатируетъ или «субстанциализируетъ» все данныя, если для науки

пространство, время и число суть чисто-безкачественныя формы отношенія, то для мифическаго сознания каждое направленіе и каждый отрѣзокъ пространства, историческій моментъ времени, отдѣльное число пріобрѣтаетъ качественно-индивидуальный смыслъ и т. п. Какъ ни вѣрны такіа чисто отрицательныя опредѣленія, они, во-первыхъ, совершенно недостаточны для проникновенія въ существо дѣла; и если иногда Кассиреру удается на этомъ пути кое что уловить (напр., интересный фактъ зависимости — въ китайскомъ, индусскомъ, египетскомъ и античномъ сознаніи — идеи нравственно-общественнаго порядка отъ идеи пространственно-временнаго разграниченія), то часто онъ проходитъ мимо самыхъ значительныхъ явленій (напр., мистической символики чиселъ) безъ всякаго пониманія ихъ существа. И во-вторыхъ, вопреки сознательно-возвышенному замыслу утвердить равноцѣнность и качественную разнородность религиозно-мифическаго и научнаго сознания, онъ невольно сбивается — что психологически совершенно неизбѣжно, ибо соответствуетъ *подлинной вѣрѣ самого автора* — на плоское «просвѣтительское» пониманіе, для котораго религія и мифология есть просто плохая, примитивная наука. Ибо въ науку — то Кассиреръ, *несмотря* на свой релятивизмъ, подлинно вѣритъ, въ религію же — въ силу своего релятивизма — не вѣритъ.

При всей — неизбѣжной — неудачѣ въ осуществленіи замысла дать объективное философское осмысленіе существа религиозно-мифологической сферы духовной жизни, книга Кассирера, отчасти отрицательно, именно поучительностью этой неудачи, отчасти положительно — большимъ запасомъ фактовъ и интересныхъ частныхъ соображеній, собранныхъ въ ней, заслуживаетъ вниманія и можетъ дѣйствовать возбуждающе на религиозно-философскую мысль. Она есть во всякомъ случаѣ примѣчательный симптомъ пробужденія интереса къ религіи даже въ наиболѣе позитивистически настроенныхъ умахъ современныхъ представителей нѣмецкой философіи.

С. Фрапкъ.